

Ключевые слова: терминосистема клинической медицины, терминография.

Article is dedicated to close study of Ukrainian medical clinical terminology. The appropriateness of formation and development of clinical terminology was analysed.

Keywords: terminological system of clinical medicine, terminography.

Муратова Е. Ю.
Витебский государственный университет

РОЛЬ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СМЫСЛОВ СЛОВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

*В статье исследуется грамматическая образность поэтического текста на примере категории числа существительного. Выявляется художественная роль форм множественного числа у существительных *singularia tantum* и форм единственного числа у существительных *pluralia tantum*. Анализируются механизмы появления глубинных смыслов поэтического текста при оппозиции форм единственного и множественного числа.*

Ключевые слова: формы единственного и множественного числа, глубинный смысл слова, грамматическая оппозиция.

Изучение поэтического языка имеет многолетнюю историю, но грамматика поэтического текста остается наименее исследованной областью. Традиция изучения грамматики лирического текста опирается на представление о наличии “особого уровня грамматической образности в поэтическом тексте” [6]. В классических и современных работах о грамматических категориях лица, времени, вида, определенности в поэтическом тексте грамматический уровень художественного текста анализируется как эстетически нагруженный, обладающий собственным семантическим потенциалом. В рамках такого подхода постулируется существование особого уровня образности в поэтическом тексте, который рассматривается как глубинная семантическая организация текста.

Р. О. Якобсон в 30-х гг. XX века сформулировал тезис о том, что в поэзии грамматические средства выполняют эстетическую функцию и их семантическая поэтическая нагруженность может быть не меньшей, чем у лексических единиц [8, 9]. Вопросам грамматики поэзии посвящен третий том его “Избранных трудов”, а также монография “Poetry of Grammar and Grammar of Poetry” 1961 г. Важное научное значение имеют статьи Р. Якобсона о “грамматике поэзии”. Интерес к грамматической составляющей семантического плана художественного текста как одному из способов передачи индивидуальной художественной манеры автора проявляли В. В. Виноградов (в частности, его работа 1925 года о языке Анна Ахматовой), Б. А. Ларин, Г. О. Винокур.

Воплощение потенциальных свойств языка может осуществляться также в модусе воспроизведения свойств грамматической формы и восстановления в поэтическом тексте утраченных в узусе языковых отношений, что открывает дополнительные возможности выразительности в поэзии. Так, Л. В. Зубова [3] считает, что основными в рассматриваемом плане тенденциями к воплощению потенциальных свойств языка в современной поэзии являются следующие: восстановление грамматического синкретизма существительного, прилагательного и наречия, воспроизведение современным деепричастием свойств атрибутивного причастия, окказиональная

реставрация деепричастием самостоятельной предикативности, воспроизведение грамматической атрибутивно-предикативной двойственности форм прошедшего времени, восходящих к перфекту, возвращение артиклевой функции местоимения он.

М. Хайдеггер писал: “Язык обладает той особенностью, что мы в нем живем, ему доверены, обычно не направляя при этом на него свое внимание, и, таким образом, не замечаем его в его самости” [5]. Выход из этого положения М. Хайдеггер находит в поэзии. В частности, грамматические категории в поэтическом тексте стремятся к тому, чтобы стать сущностными характеристиками создаваемого художественного мира.

В лирике активно реализуется семантический потенциал **форм единственного и множественного числа** существительного как выразительных называющих словоформ. Специфическое употребление форм множественного числа – это обращение к глубинной семантике этой категории, эксплицитно не выраженной в обыденном языке, что само по себе представляет потенциально синергетическое явление. “Выразительная семантика форм множественного числа, -- пишет О. Ревзина, -- обеспечивает смыкание обобщения и конкретности выражения, оценка становится знаком познанны. В поэтических текстах ... соплагаются два голоса, две “картины мира”: общепринятое и новое знание, которое исходит от “я”-субъекта... Новое знание требует нового языка, прорыва сквозь классификационную сетку языковой системы, перехода от мышления “классами” к мышлению “признаками” [4].

Глубинные смыслы поэтического текста как результат “смыкания обобщения и конкретности выражения” возникают при образовании форм множественного числа у существительных *singularia tantum*. В результате использования существительного *singularia tantum* во множественном числе в лексеме нередко появляется новая сема, отличная от словарного значения слова.

Выявляется образование **форм множественного числа** у существительных *singularia tantum*, абстрактных, вещественных и собирательных: ады, анафемы, беспамятности, блажи, близи, братства, , великолепия, вздрог, глушизны, громы, длинноты, , новоявленности, , невспаханности, нежности, отрочества, отчаяния, памяти, перволюбизны, позолоты, подкрадыванья, , тьмы, тоски, тишизны, , штамповонности, уродства, утраты, усыновления, утра, учеты, учености, (М. Цветаева).

Такие формы мн. числа существительных встречаются практически у всех поэтов XX века. Приведем несколько примеров из лирики Б. Ахмадулиной и Е. Евтушенко.

1. **Тьмам** цветений назначил собор Валаам. 2. ... **средоточье черных магий**. 3. **За это** – столько **упоений**, /и две зари в одном окне. 4. **Над бредом, бегом** – над **Бегами** / есть плющ и плен. 5. **Лишь грамота и вы** – других не видно **родин**. 6. **Из чуждых пекл**, где закипает Нил 9Е. Евтушенко). 1. ...и ты поверь – не лучше прочих **рабств** / быть в рабстве и у собственных страданий. 2. **Вместо строй материала** -- /лишь **стыды, стыды, стыды**. 4. **Весь чечнями**, /как шершнями, /поискусан, /оробел (Б. Ахмадулина)..

Многие формы данного типа встречаются в узуальном употреблении, некоторые – только в поэтических текстах: *ады, анафемы, блажи, невспаханности, новоявленности, перволюбизны, рокота, топоты, штампованности* и нек. др.

Рассмотрим механизм появления глубинных смыслов слова на следующем примере из лирики Е. Евтушенко: *От нас, /самопредателей, /разинь, /отсечены миллионы безроссийных /оставленных в республиках **россий***. В данном контексте выявляется 5 маркеров, влияющих на появление новых смыслов: окказионализмы *самопредатели, безроссийный*; нестандартное сочетание однокоренных слов

безроссийные россии; дискурсивный элемент республики; неузуальная форма множественного числа *россии*.

Весь текст четко делится на два инварианта: “мы” -- “они”. Кто такие “мы”? Окказионализм *самопредатели* включает одновременно несколько смыслов: некоторое совершенное ранее отрицательное действие, его сегодняшняя оценка, критический самоанализ. Кроме того, форма род. падежа мн. числа – *от нас, самопредателей* – становится “базой” для дальнейшего разворачивания мысли. Ее направление идет в отрицательном модусе, поскольку -- что хорошего можно ждать от самопредателей? Существительное разини несколько “смягчает” восприятие *самопредателей*, на подсознательном уровне возникает ассоциация все-таки не со смертными грехами, а с чем-то на уровне “прозевали, просмотрели, недооценили и под.”. Каждая из этих лексем подана автором отдельной строкой, т.е. для поэта эти две лексемы очень важны, они готовят читателя к последующему восприятию текста. Если первый инвариант “мы” содержит в основном оценку, то во втором – “они” возникают глубинные трансцендентные смыслы. Использование краткого страдательного причастия *отсечены* очень значимо для выражения смысла: хотя мы и самопредатели, но все-таки не мы были субъектами действия, оно сделано без нашего участия и даже без нашего молчаливого согласия. Не поняли, недооценили, не действовали, не придали должного значения – да, но не участвовали. Кроме того, важно, *что* выражает причастие *отсечены*. Если, например, значения глаголов *отделить, разделить* и под. оставляют надежду на воссоединение (отделить, а потом соединить), то само лексическое значение причастия *отсечены* несет в себе семы смысла “мгновенно и навсегда, безвозвратно”. И самое главное -- кто от нас отсечен? Кто выражено существительным *россии*. За счет формы мн. числа и ее нарицательности возникает процесс рождения глубинных смыслов. *Безроссийные россии, оставленные в республиках россии, миллионы россий* – это и сама Россия, и миллионы людей, от нее отсеченных, и их любовь к России, тоска и ностальгия этих людей, любящих свою родину, желающих быть с ней и в ней.

Употребление формы множественного числа по отношению к абстрактным существительным, связанным с духовной и психической жизнью человека, определяется желанием определить целостный объект (признак, действие, состояние) как представление о разных реализациях того же самого объекта. Например, язык нам дает только по одному обозначению таких состояний как любовь, ревность, ненависть и под., хотя эти понятия воплощают себя в бесчисленном количестве конкретных ситуаций. Именно форма множественного числа проявляет овеществленность абстрактных понятий, за которыми стоит множество конкретных реализаций. Но конкретизация абстрактных существительных в форме мн. числа не оборачивается простой множественностью понятий, здесь начинает происходить сложный диссипативный процесс, поскольку на опредмеченное значение накладываются дополнительные оттенки смысла, создающие неоднозначный абстрактный образ.

Например: *Платных теснот / ночных – блаже вода!* (М. Цветаева). Употребление существительного теснота во множественном числе определяет появление следующих смыслов: тесноты -- это и теснота конкретного помещения (казенные дома для встреч), и “платная теснота”, т.е. безвыходность конкретной ситуации (*В платный Содом? / На койку, где все до нас! / На койку, где не вдвоем / Никто...*), но главное – любое ограничение душевных стремлений человека разными обстоятельствами его внешней жизни. Аналогично: *Здесь, над сбродом кривизн, совершается жизнь...* Кривизны – это и действия, и характеристики человека, и сами люди как носители “кривизн”. Как

видим, такие формы мн. числа способны “высвечивать” трансцендентные смыслы.

Часто эти формы включены в синтаксические конструкции с развернутым рядом однородных членов предложения, что способствует созданию особого мировосприятия и выражению оценки создаваемых образов и гиперболизации описываемого. Контекстом, как правило, может являться одно стихотворение, одна строфа, а часто – одно предложение. Например: *И за то, что в учетах, в скуках, / В позолотах, в зевотах, в ватах, / Вот меня, наглеца, не купят – / Подтверждаю: люблю богатых* (М. Цветаева). Организация новых смыслов данного контекста происходит в трех семантических полях: “материальный мир” (*позолоты, ваты*); “физическое и психическое состояние человека” (*зевоты, скуки*); “реальная жизнь” (*учеты*). За счет того, что все рассматриваемые лексемы употреблены в одном ряду, в однотипных конструкциях со значением “быть во что-то погруженным”, они становятся знаками типового положения. Рождение глубинных смыслов происходит в поле “психическое состояние человека”: даже вещественные существительные передают психические состояния. В итоге концентрация существительных в форме множественного числа образно-зримо передает невербализованные смыслы: собственно жизнь богатых и одновременно ее оценку, оцениваются не позолоты и ваты, а ситуация включенности в быт и скуку и истощенности жизни этой скукой и зевотами.

Образование форм единственного числа от существительных *pluralia tantum* (*бредня, греза, грабля, дребезг, кознь, ошметок и под.*) также способно создавать глубинные смыслы поэтического текста, но это грамматическое явление проявляется в поэзии заметно слабее. Подобные формы редки и в естественном языке. Если образование форм множественного числа от существительных *singularia tantum* типично и продуктивно, так как это слова с потенциально полной парадигмой, то образование ед. числа от существительных *pluralia tantum* с трудом преодолевает семантическую преграду “нечленимой множественности”.

Хотя существительных такого типа в лирике мало, но в некоторых случаях именно такая лексема может стать идеостилевой приметой. Так, в творчестве М. Цветаевой существительное *чара* в целом встречается более 20 раз. Словари современного русского языка указывают только множественное число для этого существительного – *чары*. Но И. И. Срезневский писал о том, что существительное *чара* широко употреблялось в древнерусских и старославянских памятниках, и ему было свойственно значение “колдовство, воздействие”. Воскрешая форму единственного числа, М. Цветаева возвращает ему и первоначальное значение колдовства, что подтверждается многочисленными контекстами. Кроме того – и это главное -- она придает ему свой, дополнительный к основному, смысл – вдохновение, дающееся поэту свыше. Именно это значение чары становится главным в творчестве поэта, но ему присущи и другие, хотя и близкие основному созначения, которые М. Цветаева выразила в “Повести о Сонечке”, характеризуя Владимира Алексеева: “*Чары* в нем вообще не было: норы не было, жары и жара не было, тайны не было, загадки не было...” [7].

При семантическом противопоставлении поэты виртуозно используют возможности морфологической системы русского языка. Это может быть оппозиция форм единственного и множественного числа, в результате которой проявляются дополнительные смыслы: 1. Так *писем не ждут, / Так ждут – письма...*; 2. *Все у Господа – сыны, / Человеку надо – сына*; 3. *Старые гордыни – новая гордыня*; 4. *Невозвратна как время, / Но возвратна как вы, времена / Года...*; 5. *И отпусти*

опять: / Совенка – в ночь, бессонную – к бессонным (М. Цветаева). 1. Но где все обидчики музыки этой, / поправшей величье житейских музык? 2. Искавший мук, одну лишь муку: / не петь – поющий не учел. 3. Но где все обидчики музыки этой, / поправшей величье житейских музык? 4. Балы, спектакли, чаепитья, пренья. / Коса, румянец, хрупкость, кисея (Б. Ахмадулина). Последний пример наглядно показывает, что категория числа может активно участвовать в формировании глубинных смыслов высказывания: множественное число в первой части усиливает ощущение суевы и бессмысленности описываемой жизни, в которой главное – балы, спектакли, чаепитья, пренья. Но такой форме бытования противопоставляется чистота и гармония жизни, ее единственность и неповторимость, в которой – коса, румянец, хрупкость, кисея. Грамматический контраст, акцентируя грамматическую оппозицию числа, становится ярким экспрессивно-прагматическим средством передачи новых смыслов.

Л и т е р а т у р а :

1. Ахмадулина Б. Друзей моих прекрасные черты: [стихи] / Б. Ахмадулина. – М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. – 464 с.
2. Евтушенко Е. Медленная любовь / Е. Евтушенко. – М. : ЭКСМО-Пресс: Яуза, 1999. – 461 с.
3. Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка / Л. В. Зубова. – М. : Новое лит. обозрение, 2000. – С. 240.
4. Ревзина О. Г. От стихотворной речи к поэтическому идиолекту / О. Г. Ревзина // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль : общие вопросы. Звуковая организация текста / В. П. Григорьев [и др.] ; отв. ред. В. П. Григорьева. – М., 1990. – С. 37.
5. Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии: пять ключевых слов / М. Хайдеггер // Логос. – 1991. – № 1. – С. 42.
6. Цивьян Т. В. Наблюдения над категорией определенности – неопределенности в поэтическом тексте (поэтика А. Ахматовой) / Т. В. Цивьян // Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках / отв. ред. Т. М. Николаева. – М., 1979. – С. 348.
7. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 4. / М. И. Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1994–1995. – 7 т.
8. Якобсон Р. О. В поисках сущности языка / Р. О. Якобсон // Семиотика : сб. ст. : переводы / сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М., 1983.
9. Якобсон Р. О. Работы по поэтике / Р. О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1987.

*У статті досліджується граматична образність поетичного тексту на прикладі категорії числа іменника. Виявляється художня роль форм множини в іменників *singularia tantum* і форм однини в іменників *pluralia tantum*. Аналізуються механізми появи глибинних сенсів поетичного тексту при опозиції форм єдиного і множинного числа.*

Ключові слова: форми єдиного і множинного числа, глибинний сенс слова, граматична опозиція.

*In this article the grammatical figurativeness of poetic texts is studied by giving examples of the category of number of nouns. The artistic role of *singularia tantum* and *pluralia tantum* is explored. Mechanisms of the appearance of underlying meanings of a poetic text, when opposing singular and plural forms, are analyzed.*

Keywords: singular and plural forms, the underlying meaning of a word, the grammatical opposition.